

Персона

Трогательность сбывшейся мечты

Впрочем, сам Владимир Константинович художником себя не считает – говорит, все люди многогранны, просто какие-то грани в течение жизни высвечиваются, другие – нет. И картинами своими зачастую недоволен. Но рядом всегда жена: Любовь Петровна обожает увлечение мужа и «в обиду» творения супруга не даёт. В их квартире не картины соседствуют с людьми, а люди – с картинами: они на стенах, на полу, антресолях, в шкафах...

Как-то супруги пробовали посчитать, сколько написано картин за 37 лет – таков возраст реализации хобби Владимира Белого. Отсчёт идёт с тех пор, как в Сочи встретили на набережной двух художников за мольбертами: Владимир Константинович вздохнул: «И мне бы хотелось» – и Любовь Петровна в магазинчике неподалёку купила первый в жизни этюдник. Так вот, подсчёты не удалась: только друзьям и родным по всей стране картин подарено больше сотни.

Узнав, что Владимир Белый всю жизнь проработал механиком, пройдя путь от рабочего до начальника цеха, заместителя главного энергетика коксохима, задаёшься вопросом: где находил время для увлечения? Жена смеётся: за городом, пока она с дочерьми, а потом внучками купались или гуляли, муж уходил в лес и, выбрав натуру, погружался в творчество. В доме кухня – его царство: она светлее прочих помещений, а натуральное освещение – главный критерий правильной цветопередачи. В гараже и саду – станки для производства рамок, которые делает сам. Портрет, натюрморт, пейзажи – он обращается ко многим жанрам живописи, как и техникам рисования – от плотного масла до прозрачно-невесомой акварели.

Изобразительное искусство – его сбывшаяся мечта. Рисовать любил всегда, мама его, школьника, даже водила в художественную студию – правда, совсем недолго. На любую похвалу таланта шуточно отмахивается:

– Просто я люблю одиночество, изобразительное искусство даёт мне в полной мере отдых от людей, а жена поддерживала моё увлечение, создавала условия, даже детей отгоняла – вот и весь секрет (смеётся).

Была ещё одна мечта детства – самолёты. Нет, летать не мечтал – понимал, что по состоянию здоровья лётчиком не станет. Бредил авиационной техникой – самолётостроением, обслуживанием судов – но не сложилось. Долгие годы выписывал и скупал специализированные журналы, с сыновьями друзей, ползая на коленях, азартно собирал модели летательных аппаратов... Впрочем, обо всём по порядку.

Любовь и судьба

Владимир Белый – урождённый москвич, но в столице довелось прожить всего шесть лет, из которых в воспоминаниях осталось, как мама водила его в баню и по дороге он видел зенитные орудия – отголоски войны, окончившейся в год рождения Владимира Константиновича. Помнит Тимирязевский сад, куда его водили гулять и купаться в озере, школу Зои Космодемьянской и комнатку, в которой жил с родителями. В шесть лет родители пе-

Любовь Белая

Больше фото на сайте magmetall.ru (16+)

Владимир Белый

© Евгений Румялёв

Девятого сентября в Доме дружбы народов откроется выставка магнитогорского художника-самородка Владимира Белого

реехали в Троицк, где у мамы жила вся родня. Послевоенная жизнь в маленьких городках была не сахар: в пять часов утра мать посылала сына занимать очередь за хлебом, как все, сажали картошку, большим подспорьем в хозяйстве была коза... По окончании школы он мечтал о Куйбышевском авиационном институте, но лучший друг Миша Барковский, учившийся слабовато, желал поступить в Магнитогорский горный институт. Чтобы помочь, Володя тоже поехал в Магнитку, стал студентом факультета механизации и автоматизации производственных процессов. Друг, кстати, давно живёт в Москве, успешный бизнесмен, каждый год с семьёй приезжает к Белым в гости.

В институте Владимир Белый увлёкся прокатным оборудованием: писал по нему курсовые, диплом. На преддипломной практике в казахстанском Темиртау смонтировал черновую клеть для стана «1500» – с подводными и отводящими рольгангами, механизмом уравнивания и другими техническими особенностями.

Темиртау стал и главной точкой его отношений с будущей супругой:

в здешнем телеграфе заказал десять минут междугородного разговора и предложил своей Любаше руку и сердце – прямо по телефону.

– Мы познакомились в 1965-м, когда студентами собрались на целину, – рассказывает Любовь Петровна. – На собрании спорили, кого брать, кого нет... Володя заступился за кого-то, кого брать не хотели, я обратила на него внимание: статный, красивый. На целине начали вроде как встречаться, он водил меня на ромашковое поле – словом, домой вернулись влюблёнными вдрызг (улыбается). Он вообще необыкновенный человек – других таких нет: умный, глубокий, душевный, тактичный... Услышав по телефону предложение выйти замуж, удивилась, конечно. Из Темиртау Володя уже приехал с двумя колечками, они до сих пор на наших пальцах. В этом году 55 лет как мы вместе.

Окончив институт одним из лучших, Владимир Белый мог выбрать место работы. Выбрал «Востокметаллургомонтаж», от подвластной ему структуры которого – «Прокатмонтаж» – он трудился в Темиртау. Через три года с должности стар-

шего прораба его забрали в армию – в батальон обеспечения учебного процесса Челябинского танкового училища новоиспечённый офицер ехал уже вместе с женой и дочкой. После армии вернулся в «Востокметаллургомонтаж», попросил себе одно: собственное жильё. Начальник предложил Новотроицк и двухкомнатную квартиру в течение двух недель. Но унылая голая степь вызвала такую тоску, что... В общем, и квартира не надо. Любовь Петровна, обожавшая свою Магнитку, предложила ехать сюда – так его судьба и сложилась.

Необыкновенный человек

На ММК устроился мастером-механиком цеха подготовки составов. Стратегическая площадка: ежедневно производственные совещания начинались с двух вопросов: ЦРМП – сколько печей стоят на ремонте? – и ЦПС: сколько кранов стоят на первом стриппере?

– Первый мартен проектировался на четыре миллиона тонн стали, поэтому и стрипперное отделение по технологии должно было успевать «раздевать» четыре миллиона тонн,

– говорит Владимир Константинович. – Но в годы увеличивающегося производства первый мартен за счёт реконструкции и установки двухванных печей выпуск стали дошёл до восьми миллионов. А стрипперное отделение так и осталось рассчитанным на четыре миллиона: три клещевых мостовых крана и гидравлическая машина, заваленная мусором, песком и, в общем-то, пришедшая в полную негодность. Мы обязаны были поддерживать всю эту красоту в рабочем состоянии. Условия труда дикие: температура в подкрановом помещении доходила до трёхсот градусов, на пол плеснётся вода – она «кругляшами» прыгает, словно по раскалённому утюгу. Через два года отправили работать в Индию, ещё через два вернулся на комбинат.

В разговоре Владимир Константинович постоянно срывается в технические термины, пытается объяснить мне, ничего не понимающей, суть производственных процессов. Спрашиваю тихонько Любовь Петровну: вам тоже это «счастье» выпадало? Улыбается, отвечая:

– Нет, наоборот, всегда удивлялась: папа приходил с работы и за ужином маме рассказывал, как день прошёл. А муж – почти никогда. А я бы с удовольствием его слушала и слушала.

Аварии на отработавшем свои ресурсы оборудовании случались постоянно, Белый, можно сказать, жил на работе: вернётся домой после дневной смены, а ночью за ним приезжает производственный «уазик» – опять что-то случилось. И каждую свободную минуту посвящал появившейся страсти – живописи. Любовь Петровна, любя наблюдать за мужем, рассказывает, что на поток муж не пишет, у каждой картины – своя история: может за неделю – р-р-раз! – и написать одну. А над другой работа идёт со скрипом, может растянуться на годы. Указываю на портрет Любви Петровны: тоже его рук дело?

– Сидела в кресле в гостях у сестры, моя поза показалась Володе интересной – говорит: «Ты похожа на Маргарет Тэтчер» – и сфотографировал, – рассказывает. – Но потом и позировать пришлось: то одно ему в ходе работы не нравилось, то другое... Сегодня эта картина мне очень дорога – единственный мой портрет работы мужа. А тогда, признаюсь честно, не сильно её любила. Ну, мы, женщины, редко нравимся себе на отображении в настоящем времени – кажемся старше, толще, некрасивее. А с годами, когда действительно стареешь, отношение меняется (смеётся).

Выставка, открывающаяся в эту пятницу в Доме дружбы народов (бывший ДКС имени Мамина-Сибиряка), – далеко не первая в жизни Владимира Белого, что лишь подтверждает безусловный талант металлурга-самоучки и признание его в среде профессионалов и почитателей изобразительного искусства. Особенно трогает в его работах искренняя любовь к объекту отображения, будь то уральский пейзаж, букет подсолнухов, так любимых женой, или портреты – супруги, дочек, внучек... Нет в его творчестве разве что автопортретов – потому что относится к себе Владимир Константинович совсем без пафоса. Даже несмотря на то, что все близкие считают его необыкновенным человеком.

Рита Давлетшина